

Петр Власов
Рыцарь, кот и балерина.
Приключения эрмитажных котов
Серия «ФанЛаб»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16397755

Петр Власов «Рыцарь, кот и балерина. Приключения эрмитажных котов», серия «ФанЛаб».

Литературно-художественное издание. Для детей среднего школьного возраста.: РИПОЛ

классик; Москва; 2015

ISBN 978-5-386-08215-4

Аннотация

Приходилось ли вам бывать в Санкт-Петербурге? Простите, в другом Санкт-Петербурге? Где можно пообщаться с Пушкиным и Петром I или покататься с ветерком на золоткрылом грифоне? Наверняка нет, ведь туда попадают только избранные – творцы и их творения, способные жить вечно.

Но обитателям этого мира срочно понадобилась помощь обычных людей. И юная балерина Маша, отправляясь на экскурсию в Эрмитаж, не подозревает, что скоро ей придется встретиться с говорящим котом Васькой, прогуляться по городу в компании Александра Пушкина, побывать в Зимнем дворце, поучаствовать в морском бою на крейсере «Аврора»...

Будущее Питера зависит теперь от Маши – от ее умения танцевать, храбрости и сообразительности.

Содержание

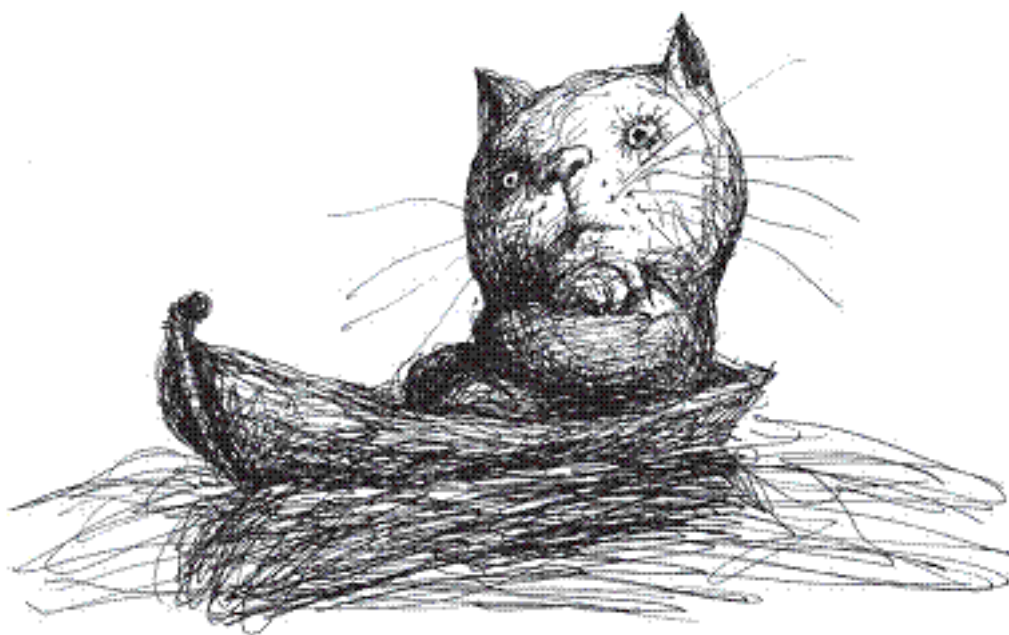
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Петр Власов

Рыцарь, кот и балерина

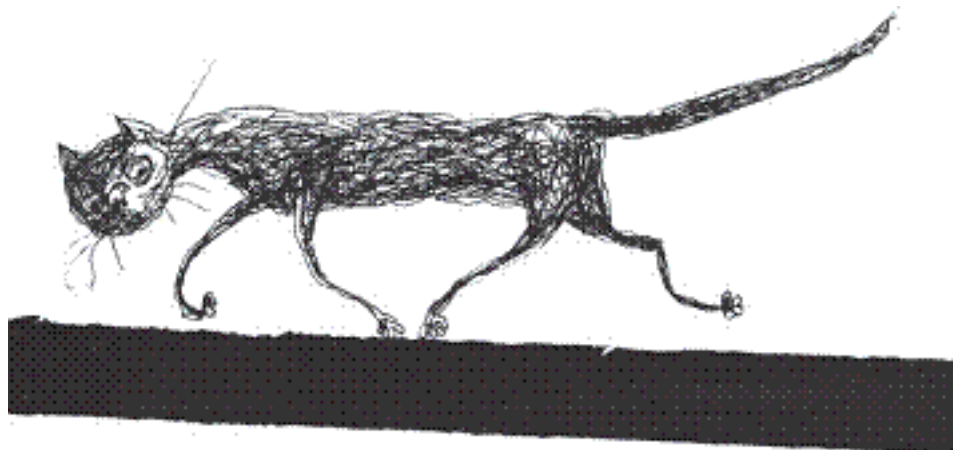
Приключения эрмитажных котов

Все персонажи вымышленные и любые совпадения случайны.

Глава 1

Неожиданная аудиенция

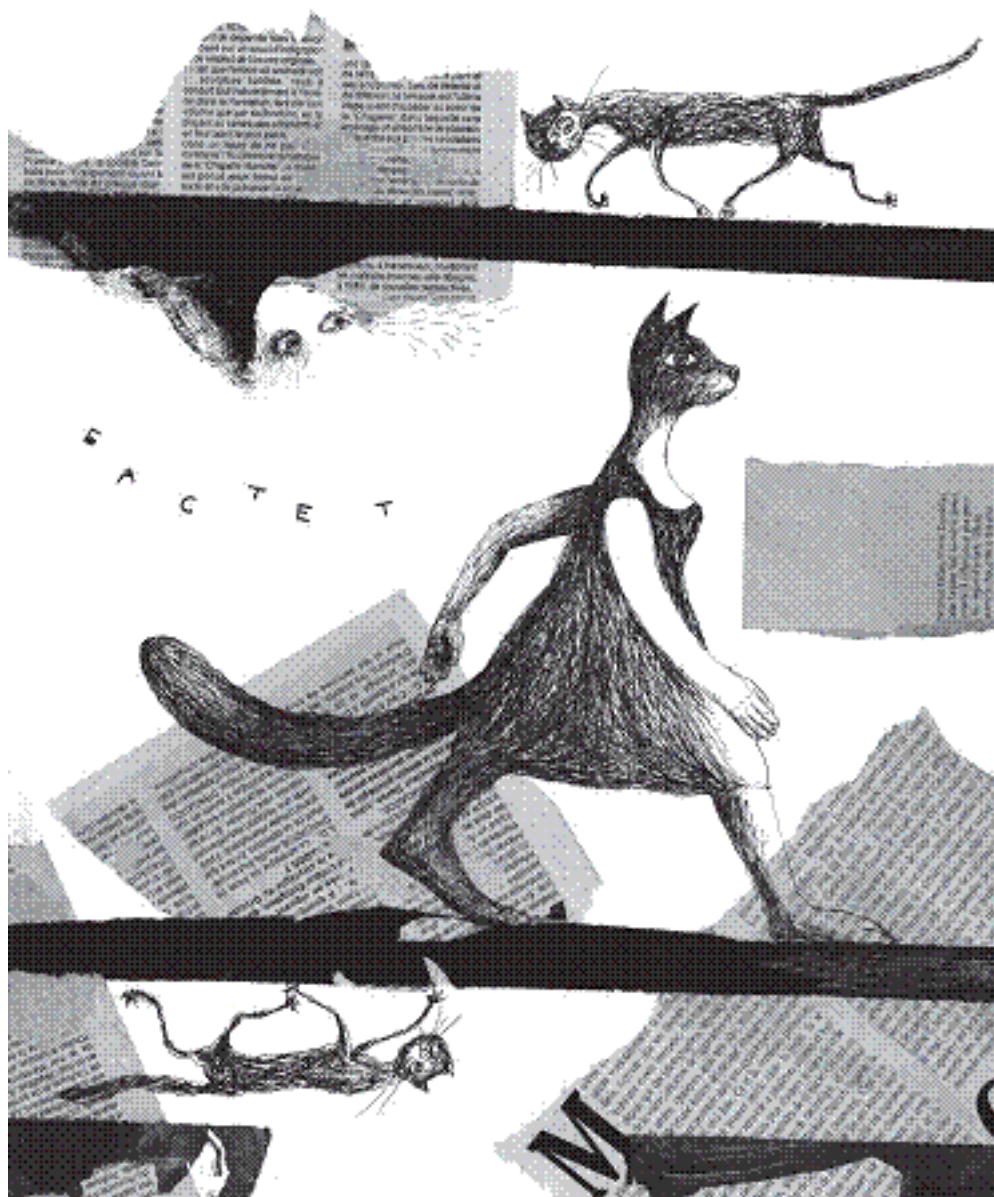
Кот Васька вполне мог бы прожить жизнь самым обыкновенным, заурядным котом, каких вокруг пруд пруди. Но случилось так, что в Васькину судьбу с самого рождения вмешалось одно необычное обстоятельство: он появился на свет не в доме, квартире или на улице, а в самом настоящем дворце. Да не просто «во дворце», а в том самом, где много-много лет назад, до революции, жили русские цари. В знаменитом на весь мир санкт-петербургском Эрмитаже.

Васька был не одинок в своей избранности. Сотня или около того кошачьих селились в музейном подвале на вполне себе законных основаниях. Более того, состояли в Эрмитаже на службе. Музейные работники кошек подкармливали, лечили, чесали за ушами и даже обещали соорудить для них домики, где будет уютно и тепло во время ветреных, промозглых питерских зим. Понятное дело, все это счастье перепало Ваське и его сородичам не просто так. Днем и, самое главное, ночью они охраняли музей от вездесущих крыс и мышей, грызущих все, что попадает к ним на зуб, а в особенности написанные маслом картины. Как вы понимаете, с точки зрения крысы выдающийся шедевр живописи ничем не отличается от какого-нибудь промасленного мешка. И даже небольшой шайке крыс не составит никакого труда превратить его за пару часов в кучку бесполезной трухи. Потому по вечерам, когда музей закрывал свои высокие двери, коты и кошки дружно разбегались по опустевшим залам, а ближе к полуночи поодиночке начинали возвращаться обратно и докладывали об обстановке позевывающему дежурному.

- В зале «Испанская живопись» чисто.
- В зале «Средние века» все в порядке.
- В гардеробе странный запах, но на мышей не похоже. Наверное, висело пальто любителя хомячков или морских свинок.

Хотя обычно донесение звучало именно вот так – *«ничего подозрительного»*, война у кошек с грызунами шла нешуточная. И долгая-предолгая! Васька в кошачьих кругах слыл котом образованным, так как имел привычку прислушиваться к тому, о чем вещают музейные гиды. Потому хорошо был осведомлен о самой затяжной в истории войне между рыцарями Англии и Франции, продолжавшейся с перерывами более ста лет и называвшейся оттого Столетней. А вот эрмитажные кошки воевали с грызунами уже два с половиной века. То есть почти Трехсотлетняя война. Причем без малейшего шанса хотя бы на временное перемирие.

Началось это великое противостояние еще при императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого. Из поволжского города Йошкар-Олы, что именовался тогда Царевококшайском и славился на всю Россию свирепыми бойцовыми котами, привезли на подводах в столицу тридцать самых отъявленных драчунов. Здесь кошачьи сразу почувствовали себя аристократами. Относились к ним гораздо лучше, чем к прислуге. Пускали гулять где угодно по императорским покоем и кормили свежей телятиной. Даже революцию и Гражданскую войну эрмитажные коты, в отличие от своих хозяев, пережили вполне благополучно. Только в Великую Отечественную, когда город почти на три года осадили фашисты и начался голод, им пришлось несладко. Кого-то съели, кто-то сам погиб в подвалах от холода и голода, став добычей для расплодившихся грызунов. Но едва фашистов отогнали, на Московский вокзал прибыли четыре вагона дымчатых крысоловов из Ярославля, а чуть позже пять тысяч охотничьих котов из далекой Сибири. Васька, собственно, и вел свою родословную от прапра и так далее бабушки ярославской дымчатой кошки и прапра и так далее свирепого сибирского кота дедушки, соединивших свои судьбы в разгар жестокой войны с крысами в послевоенном Питере. Васька, спору нет, гордился столь славными предками. Но сам, признаться, был весьма далек от мыслей о героической, полной лишений и опасностей жизни. Другие эрмитажные коты ценили его не за крутой нрав, а за ум и рассудительность. Потому и выбрали еще молодого, недавно справившего свой четвертый день рождения Ваську предводителем всего местного кошачьего племени, в знак чего тот носил особый знак отличия – почти невидимую для глаз тоненькую золотую цепочку вокруг шеи.

Эта вроде бы самая обычная на вид цепочка связывала котов с невероятной, мистической тайной, о которой слышали, пожалуй, только два-три самых пожилых смотрителя музея, но и те никогда не признаются – знают, что посмеются над их рассказами и больше ничего. В самом деле, поверить в такое непросто. Но все же, попробуйте представить: все настоящие творения искусства, что создавались когда-то с вдохновением, любовью, восторгом, все они *живые*, потому как в них вложена самая мощная энергия нашего мира, энергия творчества. Высвободившись у художника, писателя или композитора, она по известному любому школьнику закону сохранения энергии никуда не девается, а остается в его произведении. А так как в Эрмитаже собраны сплошь одни шедевры, то все триста с лишним залов музея, где посетители видят лишь неподвижные картины и скульптуры, на самом деле насе-

лены теми, кого кошки называли *другими*. Да, кошки не были так близоруки, как приходющие в музей люди. Всем известно, что они видят в темноте даже лучше, чем ярким солнечным днем. Глаза у них устроены так, что им нужно в шесть раз меньше света, чем человеку, чтобы четко различать все вокруг. То же самое касается и циркулирующих по миру потоков творческой энергии. Человек, стоя перед портретом, мог ощущать лишь прилив непонятного волнения. Васька же отчетливо видел, как лицо на картине улыбалось, хмурилось или же отчаянно подмигивало ничего не подозревавшему посетителю музея.

Кошки не просто знали о *других* – между ними существовал давний союз, символом которого и была золотая цепочка, всякий раз таинственным образом оказывавшаяся на очередном кошачьем предводителе. Этот союз, правда, трудно было назвать дружеским. Слишком уж отличалась жизнь статуй и картин от той, что казалась кошкам нормальной. Даже Васька, уж на что умен, никак не мог взять в толк: как можно оставаться живым, если ничего не есть? Да, наличие общих врагов-грызунов объединяло, крепко и неразрывно. Но всякий раз, когда посланница *других*, статую древнеегипетской богини Бастет с остроухой кошачьей головой, появлялась в подвале, Васька явственно ощущал внутри какую-то неловкость. Словно заглотил только что от жадности колючую рыбью кость. Вот и этим январским вечером, едва Бастет возникла прямо перед ним из ниоткуда, будто провалившись сквозь пол в зале египетских древностей, Васька тут же обнаружил себя не в своей тарелке. Напротив, Бастет во время своих визитов, всегда была невозмутима и прохладно-вежлива.

– Приветствую тебя, о Васька, отважный кошачий вожак! – холодно сказала она и легко, едва уловимо кивнула. Васька учтиво пригнул шею, а затем многозначительно покосился в сторону своего приятеля, хитромордого серого Лютика, с которым как раз собирался прогуляться по подземным коллекторам. Тот, разочарованно махнув хвостом, без единого лишнего мяу исчез в темноте.

– Здравствуй, Бастет, – ответил Васька, когда приятель скрылся. – Рад видеть тебя вновь. Какие вести ты принесла?

Честно говоря, на его памяти вести всегда были одни и те же. Присутствие мышей замечено там-то и там-то. Было бы чрезвычайно благоразумно отправить отряд котов по такому-то маршруту. Но на сей раз в ответ он услышал нечто невообразимое.

– Император желает видеть тебя, о кот Васька. Прямо сейчас. Следуй за мной.

От удивления Васька подпрыгнул на месте, словно вдруг обнаружил прямо под животом спящую мышь.

– Ты не ошиблась, о мудрая Бастет? – быстро-быстро промяукал он в волнении. – Ко мне ли послали тебя с этим известием?

Бастет бросила на Ваську презрительный взгляд. Как этот жалкий кот посмел подумывать, будто она ошиблась!

– Я никогда не ошибаюсь, о кот Васька. Не оскорбляй меня такими домыслами.

Васька присел на задние лапы и в замешательстве потер лапой нос. Ничего себе! Сам император, хозяин Эрмитажа!

Для людей этот грозный персонаж был всего-навсего восковой персоной, механической фигурой Петра Великого, изготовленной из воска и дерева после его смерти. Но даже они подозревали что-то неладное. Еще до революции между придворными ходила легенда – мол, по ночам фигура поднимается с места и разгуливает по дворцовым залам. Васька при случае мог бы подтвердить, что для таких рассказов имеются все основания: пару раз он лично в ужасе наблюдал, как безразмерными, размашистыми шагами ночной музей обходит огромная, гораздо больше самой деревянной статуи, фигура Петра.

– Что... что же от меня может хотеть сам император? – в ужасе пролепетал Васька, скорее даже просто подумал вслух. Бастет в нетерпении передернула ушками:

– Ход мыслей императора не доступен никому. Одно только могу сказать наверняка: *что-то случилось*.

Желтые, круглые, как копеечные монетки, глаза Васьки вперились в бесстрастную каменную морду египетской богини:

– Случилось?

– Да. Говорят, прошлой ночью император целых два часа совещался с Кутузовым. Сомневаюсь, что они обсуждали какие-то пустяки.

Васька тут же начал соображать: портрет фельдмаршала Кутузова висит в Военной галерее вместе с изображениями множества других военачальников. О чем эти двое могли столь долго беседовать? Из глубокой задумчивости его вывел вежливый, но еще более похолодевший голос Бастет:

– Поторопись, о кот Васька. Император не любит ждать.

Пригладив лапой встопорщившиеся от таких новостей усы, кот послушно засеменил за Бастет. Они пошли обычным путем – по лестнице к старой железной двери, ведущей из подвала на склад, а потом в книжный магазин на первом этаже музея. Для Бастет не составило особого труда пройти через двери там, где Васька лез через сделанный для кошек лаз. В пустом магазине вполне горел свет. Васька так задумался, что не заметил на полу оброненную кем-то монету и задел ее лапой. Монета тут же весело зазвенела, покатила резво в темный угол. От неожиданности кошачий предводитель подскочил на месте. Зашипел угрожающе, выгнув дугой спину. Привел его в себя лишь доносившийся из буфета неподалеку запах копченой колбасы. Оставив позади буфет, они свернули налево, к покрытой красным ковром парадной лестнице. Затем миновали бодрой рысью Фельдмаршальский зал. Обитавшие здесь картины военачальников выглядели серьезными и сосредоточенными как накануне решающего сражения. Перед следующей дверью Бастет резко остановилась:

– Дальше, о Васька, ты должен идти сам. Император желал видеть тебя одного.

Слова Бастет еще звучали в ушах, а сама она уже растворилась в воздухе. Тут Ваське стало страшно по-настоящему, до окаменения во всех лапах и хвосте. Будто он тоже, как и египетская богиня, превратился вдруг в каменную статую. Двери в Малый Тронный зал, до того закрытые, беззвучно распахнулись перед ним. Делать было нечего. Задрав как флаг хвост, Васька снова пригладил лапой усы и шагнул за порог.

Глава 2

Хозяин Эрмитажа

Трехметровая фигура Петра I, казалось, целиком заполняла собой небольшой и темный зал, освещенный лишь отблесками уличных фонарей, проникавших сюда через большое окно. Император стоял у окна и разглядывал внутренний дворик, где с десяти утра выстроится предлинная, извилистая очередь желающих попасть в Эрмитаж. Едва Васька переступил порог зала, хозяин дворца резко повернул голову и, как показалось коту, сурово глянул на паркет, где, далеко внизу, почтительно застыл крохотный по сравнению с его исполинской фигурой пушистый комок.

– Ваше... превосх... э... величеств... – проямлил Васька, не зная, как обратиться к императору и проклиная сам себя за недогадливость. Почему он не задал этого вопроса Бастет?!

Исполинский Петр вдруг добродушно ухмыльнулся:

– Петр Алексеевич я. Лишних почестей и при жизни особливо не жаловал, а теперь они мне и вовсе ни к чему. Спасибо, что пришел, Василий. Как ты у нас по батюшке-то?

Васька, судорожно сглотнув, вспомнил свирепую рыжую морду своего родителя. Ваську в отрочестве тот драл нещадно за малейшую провинность.

– Тимурович.

– Доброй ночи тебе, Василий Тимурович. Или у вашего кошачьего племени, я чаю, день только-только начинается? У котов-то, верно, все наоборот?

Васька даже и не знал, что ответить. Очень уж неожиданным для него оказалось столь задушевное начало разговора с грозным императором.

– Нао... Наоборот, – наконец согласился он, не особо понимая, правда, что имеет в виду.

За спиной Петра I из темноты выросло гигантское, ему под стать, кресло. Он с грохотом пододвинул его к окну и шумно уселся, положив руки на подлокотники и закинув ногу на ногу. Лампочка сигнализации на стене, вспыхнув на долю секунды, тут же потухла под грозным взглядом.

– Сигай ко мне на колени, Василий Тимурович, не дрейфь. Это чтобы я тебя получше мог видеть. Глаза-то мои не вровень кошачьим. Сможешь допрыгнуть или подсобить?

Презрительно фыркнув, Васька одним прыжком взлетел на царственные колени, едва не ткнувшись носом в здоровенную рукоять шпаги. Рука императора слегка дернулась, словно захотел он погладить кота, но потом передумал.

– Слышал я про тебя, Василий Тимурович, что зело ¹умный ты кот. Даже среди моих подданных о том молва идет. Мышам спуску не даешь, ссоры между соплеменниками прекратил вовсе. Вот потому и решил, что сможешь ты мне помочь.

Васька от неожиданности едва не навернулся обратно на паркет. Чем он, обычный земной кот, пусть и вожак всей эрмитажной кошачьей братии, сможет помочь всемогущему бессмертному императору?

– Не ослышался ты, Василий Тимурович. Помощь мне твоя надобна. Ибо, в противоположность всем нам, ты есть существо из плоти и крови. Любой смертный тебя узреть способен и не убояться.

«Вот так дела! Понадобилось, значит, что-то императору в мире людей», – быстро смекнул Васька. И на всякий случай дипломатично промяукал:

– Крайне польщен... крайне польщен.

Тут император неожиданно чихнул, да так, что Васька подпрыгнул на его колени на добрых полметра.

– Ох и лютый же здесь климат, даже после смерти пробирает, – недовольно пробурчал Петр I, безуспешно шаря в поисках носового платка по гигантским карманам своего камзола, в каждом из которых могло уместиться, наверное, с десяток упитанных котов. – Дернула меня нелегкая поставить здесь город! Молод был, глуп еще, горяч... Теперь вот, понятное дело, не изменить уже ничего. Столько труда вложено, сколько людей положено... А просьба у меня к тебе, Василий Тимурович вот какая будет. Только ты, мин херц ², не удивляйся, а слушай. Мне, понимаешь ли, *живой* человек нужен здесь аккурат в рождественскую ночь. Уразумел? Только это еще пол-лиха. А лихо в том, что не абы какой человек, а девица-танцорка. Их сейчас чудно ба-ле-ри-нами зовут. Да чтоб зело искусная при том, не только в своем ремесле сведущая, но еще и искру божью имеющая! Такие вот пироги у нас сегодня, Василий Тимурович. Сдюжишь?

Васькины круглые глаза стали, кажется, еще круглее. От удивления кот начал покусывать переднюю лапу – дурная привычка, от которой не смог отучить даже свирепый папаша. Живой человек? Да еще балерина? Время от времени они с Лютиком предпринимали вылазки в Эрмитажный театр, находившийся тут же, во дворце. Потому-то Васька был хорошо осведомлен, что такое балет и чем он отличается от оперы. В опере поют (это его душе, особенно весной, было близко), а в балете молча, с безнадежным видом прыгают по сцене, словно в отчаянных поисках припасенного где-то среди декораций куска сала. Но одно дело – пробраться в театр. И совсем другое – отыскать балерину, объясниться с ней, да еще суметь привести ее в музей ночью, когда все закрыто на замок и по залам шастает охрана!

– Про человеческий язык ты не беспокойся, мин херц, – оказалось, император без труда читает мысли кота. – Имеется способ верный, как сделать так, чтобы человек смог легко уви-

¹ Очень, весьма (*устар.*).

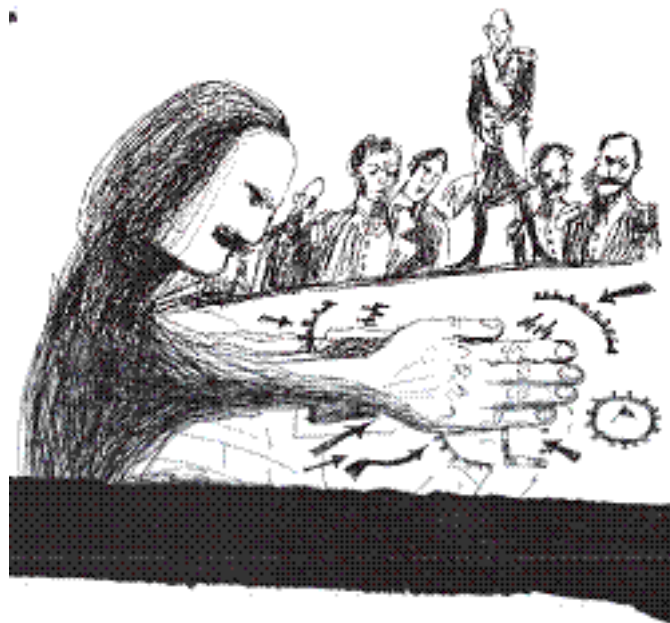
² От немецкого «mein Herz», что значит «сердце мое».

деть все вокруг по-настоящему и распознать, что ты там мяукаешь. Есть место одно неподалеку, мост через канал. Там еще грифоны с золотыми крыльями для декорации поставлены. Так вот, по мосту тому не только с одного берега на другой перейти можно. Ежели встать в самый центр и постоять там ровно минуту, то граница между двумя мирами нашими станет проходимой. Грифоны, что людей в том постоянно сбивают с толку, мешать не будут. Отошлю им насчет тебя особое распоряжение. Прямо вот сразу после нашего разговора...

В голосе Петра I коту почудилась вдруг печаль и даже растерянность. В Эрмитаже, осознал Васька, и вправду что-то случилось. Пусть и рассказывать, что именно, ему, похоже, не собирались. Не то чтобы император не доверял Ваське. Просто дело то было чрезвычайной важности. Чре-звы-чай-ной! Такие дела еще в бытность свою государем российским привык он обсуждать лишь с министрами да генералами, но никак не с котами, даже столь выдающимися. Потому-то, попрощавшись с Васькой, Петр I собирался отправиться не куда-нибудь, а напрямиком на военный совет.

Глава 3

Главный военный совет

После того как Васька в полном смятении удалился к себе в подвал, гигантская фигура Петра I на время словно оцепенела у окна. За стеклами едва белели в темноте нанесенные за ночь во внутреннем дворе сугробы, пару раз, скрипя ботинками по снегу, белую целину неторопливо пересекали темные силуэты охранников. От этого звука так и повеяло ядреным русским морозцем – император не удержался, передернул плечами, словно сам только что вышел на улицу, окунувшись в темноту и метель питерской ночи. Потом спохватился, нахмурил брови. Полно дурить, Петр Алексеевич! Не почувствовать тебе уже больше на широких плечах ни холода, ни жары. Ни поесть вволю, ни смочить пересохшее горло ржаным квасом, ни разогнать усталость полуштофом³. И так – до самого конца времен, когда решится все бесповоротно и окончательно. Потому и думать о том – простое баловство. Да и на совет пора...

Заждутся его генералы, заспорят, скандалить друг с другом почнут да ругаться. Как только они, петухи индейские, французов разгромить умудрились? Те, поди, сами на такой стуже померзли, франты и балагуры, иссохли в России без шампанского и устриц... Вот ведь незадача, размышлял Петр, в годы царствования моего страстно желалось мне, дабы подданные усвоили как можно скорее культуру европейскую и обычаи – помнится, саморучно бороды брил да силком посылал в Голландию и Францию ума-разума набираться. Наследники мои в том еще более преуспели, до того дошло, что немку на престол царский посадили. То есть сбылось вроде, что желалось – но вот как-то не так... Через сто лет заселили Россию непонятно кто – вроде и русские по фамилии, а по-французски парлякают лучше, чем на родном наречии изъясняются. Может и не прав, может и наговариваю на генералов, но не

³ Штоф – единица измерения объема жидкости в Российской империи. 1 штоф – примерно 1,2299 литра. Полуштоф, соответственно, равен ½ штофа.

любы они мне, прямо с души воротит... Вот разве что Петруша Багратион – свой человек. Из самого народа вышел, солдатом служил, хоть и князь!

Понаблюдав еще немного, как ветер крутит узлы из поземки, император нехотя оторвался от окна и, печатая шаги, решительно направился в Военную галерею Зимнего дворца, где в дневное время посетители музея имеют возможность созерцать триста или около того портретов героев войны с Наполеоном. Из-за дверей уже всюду доносилась разноголосица и в самом деле о чем-то ожесточенно спорящих друг с другом военачальников. Петр I недовольно поморщился, покачал головой и вошел. В галерее снопами горели десятки свечей, а толпа генералов, все как один в парадных мундирах и при орденах, какими их изобразил когда-то англичанин Доу, клубилась вокруг огромного, размером с бильярд, стола с разложенной на нем картой Петербурга. Беседа их так увлекла, что никто даже не заметил появления трехметрового императора.

– К Эрмитажу враг я думать может подступать с двух сторон, – с резким акцентом рассуждал высоколобый, лысый генерал с орлиным носом. – Первый путь есть через Дворцовый площадь. Там, однако, у нас один важный преимуществ – можно держать под прицелом пушек самый узкий место, ворота Генерального штаба и тогда ни один вражеский солдат сюда не пробраться! Второй путь – это залив. Чтобы враг не смог высадить десант, я предлагать минировать набережную и, как только десант приближаться, поджечь фитиля и взорвать все к чертовой тетушка! Таков мой план!

Генералы вновь зашумели, кто-то с одобрением, кто-то с негодованием, но все пытались перекричать друг друга.

– Барклай Михайлович дело говорит! – вопил один, обвешанный звездами и орденами, как новогодняя елка – игрушками. – Больше врагу никак напрямую не пройти. Разве что подкоп...

– А порох-то, порох-то! Как рассчитать, сколько нужно, чтобы и сам дворец не взлетел на воздух? – вопрошал другой генерал, с виду совсем мальчишка, размахивая руками, словно пытаюсь показать, каким большим будет взрыв.

– И-и-и, батюшка Александр Иванович, порохá-то нынче не те, что при корсиканце, наперстка хватит... – отвечал третий, постарше.

– Крейсер «Аврора» нужно отправить против вражеской флотилии! – настаивал еще кто-то, в морском мундире с кортиком на боку. – Там пушки такие – ого-го-го!

Галдеж поднялся такой, что уши закладывало. Шумовое облако, отражаясь бесчисленным эхом от высоченных потолков, словно превратилось в живое существо, носившееся беспорядочно туда-обратно по залу. Продолжалось это безобразие вплоть до того момента, пока через шум и гам не прорвался чей-то голос – привыкший, видимо, подавлять даже грохот стреляющих пушек.

– Господа, а кто, собственно, наш враг?

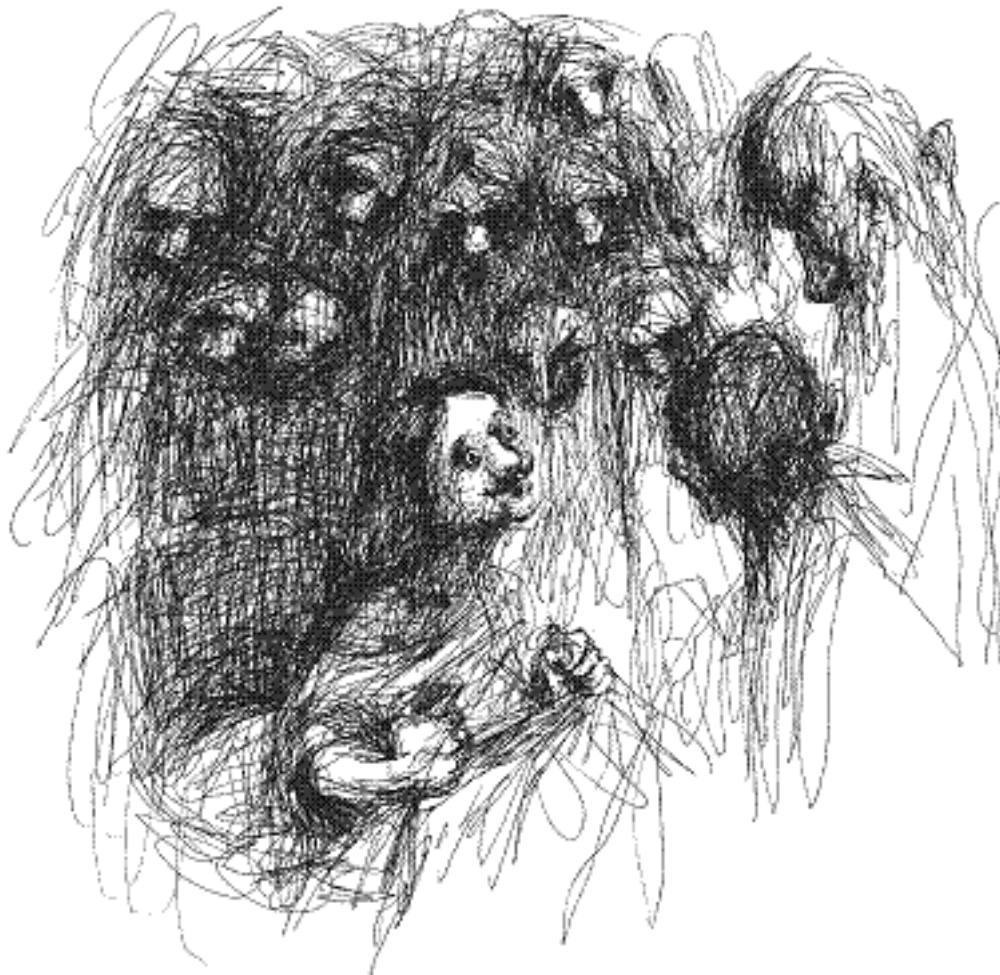
Здесь в галерее воцарилась полная тишина, словно все военачальники разом онемели. Император, воспользовавшись моментом, одним шагом выступил из-за чужих спин к центру залы и хмуро объявил:

– А вот о том я и хотел бы потолковать с вами, господа генералы!

Увлеченные спорами старцы в мундирах, спохватившись, заметили наконец громадную трехметровую фигуру. Опустили золотые эполеты в почтительном поклоне. Император сделал еще шаг и, похожие в сравнении с ним на лилипутов, генералы суетливо расступились, пропуская гостя к столу с картой. Петр, оглядев присутствующих длинным, тяжелым взглядом, продолжил:

– Господа, давеча я Михаилу Илларионовичу уже говорил... В общем, врага как такового пока нет.

Генералы помолчали, пытаясь понять, куда же делся враг, только что пытавшийся с боем прорваться на Дворцовую площадь через ворота Генштаба, а также высадить десант на набережной. Потом начали тихонько перешептываться, будто хотели получить у соседа достоверное подтверждение этого невероятного исчезновения.

– Вся загвоздка в этом и заключается, господа генералы! – император по привычке попробовал тяжело опустить на стол свой громадный кулак, но понял, что придется для того слишком низко, не по-царски, наклониться. – Врага нет, но в любой момент он способен появиться, потому и план военной кампании надобно держать наготове... В град наш Санкт-Петербург прибывает на днях знатный чародей и чернокнижник, персоне коварная и крайне опасная, чьи планы уразуметь нельзя при всем нашем желании. Одним словом, француз – и по крови, и по титулу – истинный француз! Скажу вам как на духу – ничего хорошего не жду я от оной визитации, потому как идет за чернокнижником этим зело дурная слава...

Генералы вновь ожесточенно зашептались, обмениваясь недоуменными взглядами. Всего лишь один человек? И ради него император собрал Главный военный совет? Может, просто решил проверить, не выветрился ли у них за двести лет боевой дух? Да нет, хоть сейчас в атаку и снова до Парижа маршировать готовы! Но беспокоить их по такому пустяшному поводу?! В себе ли император? Не подточил ли его голову жук-древоточец?

Петр I, нахмутив брови, оглядел с высоты своего роста пестрое собрание разукрашенных наградами военачальников, похожее на выставку тропических попугаев. Похоже,

подтверждались худшие его опасения. Толку от них никакого, а растрезвонят плохую весть теперь на весь Эрмитаж.

– Петр Алексеевич, – раздался тут негромкий старческий голос. – Думаю, надобно бы все им рассказать. Прямо с того момента, когда вы его повстречали. Всю правду как есть.

Генералы согласно зашумели, с уважением поглядывая на невысокого одноглазого фельдмаршала Кутузова в накинута на плечи подбитом мехом плаще. Император, помедлив, глянул еще раз на разложенную перед ним карту Петербурга, а затем пробасил хмуро:

– Что ж, господа, быть по сему. Слушайте. Сейчас я расскажу вам о Скупом Рыцаре и своей встрече с ним.

Глава 4

Легенда о скупом рыцаре

Дело было уже за год или около того до кончины моего брэнного тела. Хоть и называют меня Великим, да вы люди бывалые, жизнью ўченные, знаете достоверно, что в царствование Петра не одни великие да славные дела творились. И по сию пору потомки за многие безрассудства и преступления имя мое не всегда, ох не всегда добрым словом поминают. Были и стрелецкая казнь, и погибель сына моего единородного, и войны затяжные, изморные и бунты жестоко подавленные – за все, за каждую слезинку предстоит мне ответить на Страшном судище. Казалось тогда, что жизнь человеческая не стоит гроша ломаного, жертвовал тысячами ради того, чтобы государство российское устроить, народу русскому прочный путь в истории проложить. И ведь не зря все было, стоит по сей день Россия, как враг ее ни подтачивает! Вот, Пушкин, пиит, сказал, что, мол, поднял я Россию на дыбы – и то верно, лучше не скажешь. Плохо ли то иль хорошо, что поднял – одному Богу решать... Так случилось, господа, и со славной столицей нашей Санкт-Питербурхом. Дело-то было в целом нужное, верное, но строили быстро, толком не осмотревшись, не продумав, сгоняли сюда людей со всей матушки-России, и гибли они в болотах от холода и заразы без числа, проклиная царя-антихриста и вместе с ним и город, что решил он воздвигнуть в таком вот проклятом месте. Кто говорит тридцать тысяч людей, кто сто тысяч померло. Честно скажу, не знаю. Кто их тогда, людишек, считал? У нас на Руси и через сто лет после меня, и через двести – брали не умением, а числом. Вам ли не знать, господа генералы... Так вот, положили мы эти тысячи душ на алтарь славы Отечества, и ровнехонько за сто лет до ваших жарких дел с французом переехала столица в новый град. Жертва та, в отличие от наших военных баталий, Нарвы, Полтавы да Гангута, оказалась напрочь забыта. Народ шептался, что, мол, город сей «поставлен на костях», да я отмахивался. Вой на, кому легко? Только нельзя обиженных тобой забывать. Кого забудешь, того Господь тебе обязательно припомнит, да еще сторицей! К концу царствования моего, когда уже и бубрежница, сиречь хворь почечная, зело начала мучить, стали ко мне по ночам приходить эти самые загубленные строители новой столицы российской. Встанут у кровати, человек десять – пятнадцать, синие все,

оборванные, со стеклянными глазами, а некоторые и вообще без оных, и стоят – час, два. Молча стоят – словно укор совести в сердце из ниоткуда, из пустоты появившийся. И в оном стоянии – без слов, без действий – и есть мука страшная, человеком невыносимая. Лучше бы кидались на меня, страшали, хулили последними словами! Лаяться я и сам мастак, да и на тычки с затрещинами скор. Но нет, стоят мертвецы молча, словно бы даже и не ко мне пришли. Чаю я, так и на последнем нашем судилище будет: молчание полное, и только совесть наша собственная, ежели осталась, заговорит. А ежели у кого не заговорит, то тот и есть пропащий человек, нет у него ничего внутри, кроме пустоты, и пожрет его тогда во веки вечные геенна огненная...

Поначалу скрывал я ото всех эти свои видения. Думал, может, вина чрезмерно употребил или горячка у меня какая-то особенная открылась. Но через месяц уже нестерпимо стало. Как ночь грядет, уже трясусь словно лист осиновый. Знаю, придут и будут, будут стоять у кровати, пока ближе к утру сон не сморит измученное тело... Открылся я тогда лучшему другу своему, светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. Тот опечалился не на шутку, говорит – это, мин херц Петр Алексеевич, дьявол тебя в могилу согнать хочет. Извести раньше срока. Может, спрашиваю я тогда, мне у людей святых совета спросить? Меншиков в ответ как засмеется – ты, говорит, церковь патриарха лишил и ниже всего в государстве своем поставил, а попы, думаешь, о твоём здравии от всего сердца молиться будут? Нет, мин херц, от чернецов тебе толку не будет. Да и что они тебе присоветуют? Поклоны бить, грехи замаливать? У меня, говорит, есть идея получше. Слышал я, что в Париже есть чудо-лекарь. То ли граф, то ли барон, то ли еще какой родовитый кавалер. И помогает камень он с души снять всяким злодеям да душегубам. Едва он это ляпнул – язык прикусил. А я подступил к нему, схватил за грудки, да в воздух поднял. Значит, говорю, злодеем ты меня считаешь?! Того, кто тебя из грязи вытащил, вторым человеком в государстве сделал?! Он покраснел весь как рак вареный, пыхтит, ногами в воздухе дрыгает, а все ж свою линию гнет, упрямый был подлец, да и знал, что я ему худа не сделаю, коли до сих пор все его воровство из казны покрывал. Какой же царь, говорит, без греха? Он на то и царь, чтобы было кому перед Богом брать на душу все, что в государстве происходит, понеже любое государство со времен праотца нашего Ноя и царя Мелхиседека ⁴ есть зло и насилие. Резон в его словах был большой, ох большой! Дурак, конечно, что его послушал, но уж больно складно, подлец, говорил! Ну хорошо, говорю, выписывай ты своего лекаря из самого Парижа. Только чтобы скакал он сюда без остановки днем и ночью! И был здесь не позже, чем через месяц. Потому как больше месяца по ночам с мертвецами даже мне не под силу выдержать. Или с ума рехнусь, или руки на себя наложу, прости Господи!

Меншиков хоть и плут был отъявленный, но свое слово держал твердо, как солдат Преображенского полка ружье. Ровно через месяц вводят ко мне того самого лекаря. Заходит он, длинноволосый, высохший, аки мумия египетская, лицо длинное, с узкой такой бородкой, глаза черные, как горячая юфть, черный бархатный камзол на нем по последней парижской моде. Честно скажу, не глянулся он мне с первого же взгляда. Но с другой стороны рассудить, поди найди для такой болезни еще и лекаря приятного взору! Ухмыльнулся он тут же, как только на меня посмотрел. И вдруг заговорил по-нашему, по-русскому, хотя и неверно слова выговаривал. Я, говорит, государь-император, вижу, что тебя мучает. Две болезни, одна – тела, ту я не вылечу, и скоро она тебя в могилу сведет. Думаю, говорит, год тебе осталось жить, не более того. Но чтоб за год этот в сумасшествие не впасть и власть из рук не выпустить, надобно тебя излечить от второй болезни, душевной. Рассказывайте, говорит, ваше величество, что за видения по ночам вас тревожат. Я ему рассказал – мол, так и так, приходят ко мне погубленные на строительстве новейшей столицы нашей мастеровые

⁴ В Библии царь Мелхиседек – первосвященник города Салим.

и стоят молча вокруг императорского моего ложа. Снова улыбочку пропустил он такую по лицу. Все, говорит, с вами понятно, ваше царское величество, от болезни той мы вас легко излечим. Только обещайте мне, что, когда приеду я еще раз, в этой ли жизни или уж по вашей кончине, примут меня и воздадут такие почести, что сам укажу. А ежели не угодите – тогда пеняйте на себя. Заберу себе самое дорогое, что у вас есть.

Подивился я такой чудной плате за лечение и заподозрил неладное, но уж слишком силен страх был перед очередной ночью. Да и жизни всего год он мне пообещал, а в посмертие свое я тогда, признаться, не очень-то и верил. Пообещал ему любой прием, что захочет, он головой кивнул, в глаза посмотрел мне долго-долго, так, что до сих пор бельма эти как живые в памяти стоят, и говорит затем – все, ваше величество, идите почивать и отныне ничего не бойтесь. Не поверил я ему, конечно. Дрожа от ужаса и отвращения, отправился в спальню, лег в кровать и отпустил слуг. Но – чудо! Не было в ту ночь никаких у меня видений, и, напрасно прождав своих мучителей, заснул я вскоре яко младенец. На вторую, на третью ночь – снова все спокойно! Послал я тогда за чудесным лекарем, думаю, надо отблагодарить его щедро, по-царски, золотом, соболями, а не каким-то там обещанием... А мне и говорят – лекаря этого уже и след простыл прямо в тот вечер, что вы его, царское величество, у себя изволили принимать. Как сквозь землю окаянный провалился. Опешил я, и опять во мне поднялась тоска неведомая, предчувствие поганое. Уж не сам ли дьявол, думаю, ко мне в гости заходил? Срочно вызвал к себе Меншикова – докладывай, мин херц, откуда прознал ты про чудесного лекаря и не толкуют ли про него чего паскудного? Тот взглянул на меня, понял, что дело серьезно, бухнулся в ноги, не вели, говорит, казнить, мне про него один французский маркиз рассказывал в свое время, невероятной знатности и богатства. Ни слова больше, что тебе открыл, не знаю! Тут же, кричит, пошлю гонцов по всем европейским державам, и в Порту басурманскую, чтобы разузнать про сего лекаря, откуда тот взялся и не яхшется ли с нечистым.

Прошло с того дня не менее полугода, и начали отовсюду возвращаться в столицу гонцы. К превеликой радости моей, никто из повстречавшихся им не рассказывал о чудесном лекаре ничего предосудительного, – что, скажем, чародей он или чернокнижник. Многие слышали о нем, кто-то, как и я, лично получил от него помощь первостепенную, но на том скудное повествование и заканчивалось. Оставался самый последний гонец, что отправлен был князем Меншиковым в Святую землю. Путь туда неблизкий, тем паче что агаряне⁵, люди султана, по дороге гонца нашего задержали и донимали его месяц расспросами – с каким таким повелением отправил тебя императорский наперсник в град Иерусалим? Вернулся обратно он уж незадолго до моей телесной кончины. Как с коня слез, потный, забрызганный грязью весь, загорелый яко арап, его сразу ко мне ввели. Ну, говорю, докладывай! Так и так, отвечает, ваше императорское величество, скитался я немало по Святой земле и никто мне про лекаря сего чудодейного не мог ничего поведать. Но удалось попасть мне в пещеру к одному старцу, что, сказывают, отшельничествует не менее ста лет, а может быть и того больше, и все тайны земные и небесные ведает, и читать знамения может как книгу обычную мы читаем. И вот что он, императорское величество, на загадку вашу ответил. Сей лекарь есть рыцарь по имени Бутадеус, на что на языке латинском значит «хулящий Бога», а прозвище у него «Скупой». В одном из походов крестовых на Святую землю решил он по призыву папы славу и богатство себе снискать. А чтобы быть первой в том остальных, призвал дьявола и заключил с ним богомерзостную сделку. Но так как хитер был неимоверно, да также скуп, душу свою не продал, а отдал в залог. Чтобы вернуть ее от Сатаны обратно, исполнить нужно было одно условие. Обязался он по желанию нечистого взять на себя муки совести ста тысяч злодеев самых отъявленных, дабы злодеи те могли и далее беспрепят-

⁵ Арабы (устар.).

ственно зло творить и дьявола тешить. Он же муки эти в себе носит, и жгут они его изнутри пламенем адским до той поры, пока не исполнит обещанное врагу рода человеческого. И вот тогда горе придет тем злодеям, которым он страдания их облегчил. Вернется рыцарь и будет мстить за то, что сотни лет страдал безмерно!

Тут, понятное дело, ноги у меня подкосились, господа генералы. Посадили меня в кресло, льда ко лбу приложили, за лейб-лекарем фон Майером срочно послали. Потом мне уж сказывали, что в забытии я только и шептал: «Повесить, повесить Алексашку Меншикова на первой же осине за чудодейного лекаря, которого дьявол прислал!»...

Без малого триста годков утекло с того дня, господа генералы. Немудрено, что история эта понемногу стала забываться, а душа моя успокаиваться. Тешил себя, вдруг не отыщется на земле ста тысяч злодеев, вдруг наше жестокое время сменится благоденствием и вечным миром, вернется золотой век, воспетый эллином ⁶ Гесиодом! Но нет, насупротив, чем дальше, тем страшнее и жесточе люди обращались друг с другом, в войнах начали гибнуть не тысячи, как прежде, а миллионы! Чаю, за последние две великие войны лекарь легко добрал все дьяволу причитающееся. Освободил от мук совести сто тысяч злодеев, получил обратно душу свою и принялся мстить всем, чьи страдания носил в сердце. Видно, в этой очереди воздаяния и мой черед пришел. На прошлой неделе получил я весточку от чудо-лекаря. Едет он сюда и требует, дабы приняли мы его со всеми почестями. Устроили бал аккурат в ночь на Рождество и позвали туда живую балерину, что станцует для него так, чтобы остался он премного доволен. Подивился я зело такому желанию, но делать нечего, раз давал слово государево. Потому как если что не по нраву чернокнижнику придется, он свои долги другим возьмет. Даже догадываюсь, что душепродавец забрать хочет, да не буду вас стращать прежде срока... Вот и вся моя история про Скупого рыцаря, господа генералы. Знаю, только меня самого винить надобно в том, что случилось. Коли мог бы прожить свою жизнь заново, многое делал бы иначе. Не стал бы без разбора грехи на душу брать, набирать для нее неподъемную ношу. Душа она как лошадь – надорвется, ежели слишком тяжел груз будет. Но теперь уж ничего не поделаешь. Придется гостя нашего принимать. И быть готовыми ко всему. А лучше сразу – к самому наихудшему!

⁶ Жители Древней Греции.

Глава 5

Приезд Бутадеуса

Город внизу вынырнул из облаков сразу, в одну секунду. Бутадеус невольно восхитился открывшейся картиной – черная, обжигающая морозом темнота, перемешанная с пятнами белого снега, и тысячи горящих точек-фонарей, расчерчивающих пространство внизу четким, правильным узором. Он натянул слегка поводья, чтобы притормозить и полюбоваться видом под ногами. Но тут у него за спиной что-то надрывно прокричал оруженосец Патрик – плащ так сильно хлопал на ветру, что Бутадеус не расслышал ни слова. Оторвавшись нехотя от захватывающей дух панорамы, он обернулся. Патрик отчаянно сигналил, показывая на свою лошадь. Конь оруженосца весь покрылся инеем и походил на припорошенное к утру снегом сиденье рождественской карусели. Из ноздрей мощными струями вырывались клубы пара, ноги почти неуловимо для глаз мелькали в воздухе, словно все происходило на земле, а не на огромной высоте. Приглядевшись, Бутадеус заметил: словно засыпая на ходу, конь мало-помалу заваливается на левый бок. Пробормотав свое любимое еще со времен Крестового похода проклятье, рыцарь оглянулся через другое плечо. И здесь его поджидали плохие новости. Лошадь Лилит, похоже, тоже быстро теряла силы. Опустив вниз большой палец затянутой в перчатку руки, ведьма красноречиво требовала немедленной посадки. Еще раз прокляв все на свете, Бутадеус кивнул, и троица начала стремительно опускаться.

Сразу под облаками они занырнули в морозный вихрь, показавшийся Бутадеусу чем-то живым и разумным – мириады снежинок, до того хаотично и бесцельно кружившиеся в воздухе, вдруг устремлялись в общем порыве потоком вверх или вниз, пытаясь сбить всадников с выбранного пути. Город приближался, разрастался, все такой же холодный и него-степриимный, словно предчувствовал – чужаки, планирующие вниз из поднебесья, прибыли

отноудь не с добрыми намерениями. Хотя Петербург изрядно расширился с тех пор, как Бутадеус бывал здесь прежде, центральная его часть по-прежнему была хорошо узнаваема. Подсвеченные, идеально прямые проспекты и набережные стремились отовсюду к одной точке, косому четырехугольнику Дворцовой площади, сжатой с одной стороны огромным зданием, похожим сверху на силуэт летящей чайки, а с другой – знаменитым дворцом, напоминающим с высоты птичьего полета загадочную монограмму. Бутадеус вдруг почувствовал необъяснимую робость, заглянув в лицо этого странного, непонятного города, что появился здесь наперекор самой природе по воле царя-сумасбродца и до сих пор служит едва ли не главным оправданием его жестокого и беспокойного царствования. Затем, разозлившись на самого себя за эту слабость, он сверх меры всадил в коня шпоры и направил его туда, где сияло больше всего неподвижных и движущихся огней, в самую сердцевину Невского проспекта.

Всадники приземлились в пустынном, едва освещенном внутреннем дворике какого-то старинного особняка. В момент соприкосновения с землей к ним тут же вернулся земной облик. Плащи, шпаги, лошади, – все разом исчезло. Под медленно осыпающимися из черной темноты над головой снежинками стояли трое вполне обычных людей. Одетый в толстое зимнее пальто и шляпу худой, высокий старик с вытянутой бородкой. Женщина с холодным, под стать питерской ночи лицом необыкновенной красоты, выглядывающим из длинной, почти до пят, шубы с капюшоном. И, наконец, кутающийся в белоснежную дубленку мальчик лет двенадцати, чьи глаза, правда, глядели так печально и серьезно, словно их обладатель давным-давно уже познал все тайны земной жизни.

– Лилит, – недовольным, почти капризным тоном произнес Бутадеус, поправляя шляпу и стуча ботинком, чтобы отряхнуть тут же налипший снег. – Что случилось с лошадьми? Стареешь? Твоих сил уже не хватает, чтобы перенести нас сюда из Праги? Могла бы тогда хотя бы посадить нас на самолет.

Спутница рыцаря ощерилась, словно готовая зарычать собака. Голос ее, несмотря на внешность, оказался низким и грубым:

– У города сильная защита, монсеньор. Мы ему не понравились, и он пытался воспрепятствовать нашему прибытию. Нам повезло, что мы так мягко приземлились.

Ну что же, рассеянно подумал Бутадеус, пожалуй и вправду веские причины для того, чтобы не встречать их тут хлебом-солью. Как только они доберутся до нормальной теплой комнаты, которую он все-таки надеется отыскать на этом полюсе холода, то немедленно придумают какой-нибудь трам-тарарам. Такой, что мало не покажется!

– Куда мы проследуем, монсеньор?

Голос оруженосца-мальчика казался потухшим, лишенным обычного детского задора. Хотя, в самом деле, какая энергия может быть в человеке, что при самом благополучном исходе должен был восемьсот назад?

– Конечно же мы отправимся в гостиницу, Патрик. Ну или на постоянный двор, если тебе угодно, – ответил Бутадеус, поживаясь и поднимая как можно выше воротник пальто. – Последний раз, когда я здесь был... кажется, лет сто назад... то останавливался в «Астории». И сдается мне, несмотря на весьма беспокойное столетие, она до сих пор привлекает путников. Ее пощадила даже последняя великая война, когда город три года был в осаде. Гитлер, помнится, тогда хвастался мне: возьмем Петербург, взорвем все к черту, затопим, сотрем с

лица земли, но перед этим устроим в «Астории» пышный банкет. Потому-то запретил своим солдатам обстреливать ее из орудий и бомбить с воздуха. Мило, правда? Благодаря его тщеславию мы можем надеяться на президентский номер с двумя спальнями... если, конечно, Лилит это еще по силам... Справишься? Или мне нужно уже подыскивать другую ведьму, помоложе?

Женщина в меховом капюшоне снова по-звериному оскалила зубы, но теперь ничего не ответила. Они молча вышли через ворота к каналу, свернули на проспект и влились в оживленную людскую толпу. Было около девяти вечера и, несмотря на двадцатиградусный мороз, тысячи жителей Петербурга и туристов дефилировали туда-обратно по Невскому.

Как только троика вошла через стеклянные двери в роскошный, отделанный золотом и мрамором вестибюль «Астории», к ним тотчас же кинулся портье в форменной одежде.

– Господин Бутадеус! – заверещал он. – Ну наконец-то! А то мы уже жаждали! Все изнервничались! Как прошел полет? Надеюсь, без приключений? А где ваш багаж? Не потерялся в аэропорту? Почему наш носильщик вам не помог? Я его сейчас в пыль сотру!

Бутадеус ухмыльнулся, хитро подмигнув Лилит. Кажется, стремясь ему угодить, теперь она немного переборщила.

– Наш багаж прибдет позже. Не нужно беспокоиться, – ответил он портье и прошел к стойке регистрации.

Вписывая свое имя в карточку, Бутадеус как бы между делом спросил у лучезарно улыбавшейся ему девушки-дежурной:

– Мадемуазель, можно задать вам один вопрос? Я и мои... коллеги прибыли сюда совсем ненадолго. Чтобы не тратить время зря, мы хотим немедленно отправиться туда, где можно увидеть самое ценное, что только есть в вашем городе. То, чем вы больше всего гордитесь и дорожите. Сердце Петербурга. Понимаете? Я называю это сердцем города. Где оно, как вы думаете?

Дежурная поначалу совсем растерялась, покраснела от смущения. Важный иностранец, наверняка миллионер, которого начальство распорядилось срочно заселить в президентский люкс, почему-то интересуется ее скромным мнением! Но желание заграничного туриста взглянуть на Петербург глазами самих петербуржцев вызвало симпатию к странному старикашке. Потому ответ получился искренним:

– Главное, что у нас есть, – это, конечно, Эрмитаж. Там собраны шедевры со всего мира. Все, что хотите. От фараонов до импрессионистов. Если у вас совсем немного времени, надо увидеть именно его. Вот, пожалуйста, карта города. Там подробно описано, как туда добраться и когда он открыт.

Забрав карточку от номера, Бутадеус церемонно приподнял в знак благодарности шляпу и не спеша направился к лифту, сопровождаемый своей странной свитой. Уже наверху, когда он осматривал комнаты и остановился у одного из окон, разглядывая грузную глыбу Исаакиевского собора, его вдруг осенила какая-то идея. Бутадеус, всплеснув руками, хлопнул в ладоши и беззвучно расхохотался:

– Ну конечно же! Как я сразу не догадался! Крысы! Мерзкие твари, способные сгрызть даже железо! Лилит, слышишь меня? Скоро ты сможешь показать мастер-класс колдовского искусства! В рождественскую ночь мне понадобится много-много крыс! Миллионы крыс, Лилит! Все до единой, что только есть в этом городе! Сердце Санкт-Петербурга... Одна милая девушка только что подала мне прекрасную идею, как оставить здесь о себе долгую и нехорошую память!

Глава 6

Маша с Черной речки

Бывает, проснешься ярким, солнечным утром, впереди еще целых семь дней каникул, а настроение все равно ниже плинтуса. Именно так почувствовала себя, едва открыв глаза, тринадцатилетняя питерская школьница Маша Коржикова. Вспомнив причину, по которой в данный момент ее ну совершенно ничего не могло порадовать, Маша нахмурилась и, как краб в водоросли, еще глубже закопалась в одеяло. Причина была вот такая. Ее однокурсники по юношеской балетной школе при Вагановском училище просыпались в этот самый момент не в Петербурге, а в Париже, куда отправились сразу после Нового года на конкурс юных дарований. А вот Машу не взяли. И вовсе не потому, что она плохо танцует. Танцует-то она как раз очень даже ничего! Дело в другом. Она, представьте себе, *слишком высокая*.

– Ну как ты представляешь себе «Танец маленьких лебедей», когда один лебедь на голову выше всех остальных? – громко вопрошала ее руководитель группы Нина Ивановна, объясняя, почему парижская публика так и не увидит Машу. И хотя Маша в ответ только печально вздохнула, это вовсе не значит, что она согласилась с Ниной Ивановной. В конце концов, среди маленьких лебедей может оказаться и тот, который покрупнее. Акселерация ⁷ есть и в животном мире. Откуда вообще это стремление стричь всех под одну гребенку?!

⁷ Ускорение роста и физического развития.

Маша провалялась в кровати еще с полчаса, перекатывая туда-обратно внутри себя неимоверные страдания, и к одиннадцати все-таки нехотя встала. В квартире было пусто. Мама, хореограф, ушла на занятия. Бабушка на школьные каникулы уехала погостить к сестре в город Северсталь. Старшая сестра Катя, экскурсовод в Русском музее, принимала одну за другой группы школьников-экскурсантов. Папа Маши несколько лет назад умер от сердечного приступа, и с ней была сейчас только его фотография на стене. Покормив кошку Муську, утонченную зеленоглазую красавицу с аккуратной белой манишкой на груди, Маша поняла, что больше ей заняться абсолютно нечем. Даже так: все, чем она может сейчас заняться, – сущая ерунда по сравнению с тем, что Сашка, Ленка и Галя сегодня вечером выйдут на сцену в Париже. На сцену в Париже! Только вслушайтесь, как это звучит! Просто ужас какой-то! Как же ей жить дальше? И какой вообще будет ее жизнь, если с самого детства ей так кошмарно не везет? Ну почему ее угораздило вырасти гораздо выше своих сверстниц?!

Подойдя к висящему на стене большому зеркалу, Маша долго и оценивающе, словно разглядывая кого-то незнакомого, всматривалась в него. Пыталась понять, действительно ли она так высока для своих тринадцати лет. Да нет, среди ее одноклассниц есть и повыше, чем метр шестьдесят пять... Из зеркала выглядывало мягкое, округлое лицо с задорными серыми глазами, выгнутыми дугой бровями и улыбчивым, слегка крупноватым ртом. Многие говорят, что она выглядит очень по-взрослому, уже настоящая девушка... Тогда, может быть, на следующий год ее первой из группы возьмут танцевать вместе со взрослыми балеринами? Как любит повторять бабушка, почти у каждой плохой новости есть, как у монеты, обратная, хорошая сторона, которую мы просто не сразу замечаем...

Настроение поменялось так стремительно, словно кто-то внутри нажал на нужную кнопку. Размышляя о том, как все замечательно обернется для нее через год, Маша весело подмигнула в зеркале самой себе. Так когда-то ей подмигивал отец, всерьез уверяя, что это приносит удачу. Странно, но тут же повсюду затрещал телефон. Подмигнув для верности еще раз, Маша побежала в маленькую прихожую, чтобы взять трубку. Интересно, кто бы это мог быть?

– Уже проснулась? Все убиваешься? Не хочешь развеяться, сходить в Эрмитаж? Там огромные очереди, но нас пустят по моему музейному пропуску. Кажется, ты очень хотела прошлым летом.

Это была сестра Катя. Оказалось, что сегодня с утра в Русском музее от лютого мороза прорвало водопровод. Музей закрыли на один день, а у всех, кто там работал, получился нечаянный выходной. И Катя, представьте себе, тут же вспомнила о своей несчастной сестричке, прорывавшей накануне весь вечер из-за неудавшейся поездки в Париж. Какая же она у меня молодец, подумала Маша и тут же согласилась. Встретиться договорились у памятника Пушкину перед Русским музеем.

До центра Петербурга с Черной речки, где они жили на пятом этаже желтого кирпичного дома, Маша добиралась самостоятельно: уже почти два года каждый будний день она ездила в Вагановское училище на Гостинку. На улице было морозно, скупое северное солнце клонилось к горизонту, снег отражал ярко-голубое небо и тоже казался голубоватым. У Русского музея толпились недовольные туристы, перечитывая объявление на русском и английском о том, что музей закрыт по техническим причинам. Пока Маша ехала в метро, стало еще холодней. Ей показалось, что даже у статуи Пушкина изо рта вырывается столб пара. Ждавшая ее Катя смешно подпрыгивала на месте, обстукивая друг о друга изящные, не для русской зимы итальянские сапожки. Из-под огромной меховой шапки с опущенными ушами, почти скрывавшей лицо, виднелись только острый, побелевший на холоде нос и неотразимая рыжая коса. Сестры обнялись, и, словно пытаясь убежать от мороза, припустились что есть силы в сторону Невского.

Очередь в Эрмитаж заканчивалась где-то в районе Александрийской колонны, однако, как и обещала Катя, их пропустили по музейному пропуску. Внутри тоже было не протолкнуться. Катя решительно предложила отправиться на третий этаж, к ее любимым французским импрессионистам.

– Может, они немного излечат твою тоску по Парижу?

Здесь крылся и стратегический расчет: большинство посетителей, устав от огромного количества залов и экспонатов, туда просто не успевали добраться. В самом деле, на третьем этаже толпы туристов сильно поредели. Можно было не только бесчисленные чужие затылки, но и сами картины. Со всех сторон Машу тут же окружили образы уже горячо любимой, хотя еще и неведомой ей Франции. Шумные, беспорядочные города с конными повозками и чадящими фабричными трубами. Поля лаванды и подсолнухов. Крестьяне, чиновники, светские дамы. Целый мир, совершенно случайно рождающийся из карусели бессмысленных цветных мазков и пятен на холсте. Здесь не было фотографической точности в изображении, но лица людей, тем не менее, казались поразительно, неправдоподобно живыми. Это открытие почему-то заставило Машу задуматься над очень странным вопросом: как сложились судьбы тех, кто смотрит сейчас на нее с холстов? О самом художнике увлеченно пишут толстые тома биографий. А вот его герои безвозвратно теряются в толще времени, оставляя нам только свои безымянные лица. Вот, скажем, эта девочка в голубом. Кем она стала, когда выросла? Дожила ли до Первой мировой войны? Наверное, да. Ведь ей еще не было тогда и сорока. Но пережила ли войну – голод, лишения, эпидемии? Были ли у нее дети и внуки? Можно ли во Франции отыскать кого-то из ее потомков? Те, скорее всего, даже не подозревают, что портрет их прабабушки висит в музее в далекой и холодной России... Правда, мысли эти всколыхнули подзабытую обиду. Картины – это, конечно, здорово. Но ей хочется живой, настоящей Франции. Ей хочется танцевать в Париже! Хочется, чтобы не только она полюбила Париж, но и тот полюбил ее! Ну почему, почему ей так не везет...

Побродив по залам с пару часов, они спустились в буфет, где Маша скрепя сердце согласилась на шоколадное пирожное. С другой стороны, чего терять, если поезд в Париж уже ушел? Последним пунктом программы значился поход в музейный магазин. Сестра сразу убежала к полкам с толстенными альбомами по живописи и архитектуре, оставив заскучавшую Машу в отделе сувениров. И надо же, какое совпадение – здесь тоже оказалось много-много всего про балет! Паззлы, наклейки, блокноты, ежедневники с балеринами... Погрузившись в изучение обвешанного сувенирами стеллажа, Маша не заметила, как к ней осторожно, будто сомневаясь в собственных намерениях, приблизился мелкими шажками крупный белый кот с черным пятном на носу. Осознав, что посетительница магазина его не замечает, кот нехотя, словно считал данное занятие чем-то недостойным, принялся тереться об ее ноги. Это, как вы уже поняли, был Васька, что уже провел целое утро в безуспешных поисках балерин среди тысяч посетителей Эрмитажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.